

Оглавление

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА	7
ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ГЛАВА 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	17
§ 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ	17
§ 2. СПОР О МЕТОДАХ (METHODENSTREIT) И ЕГО НАСЛЕДСТВО	47
§ 3. КРИТИКА ИСТОРИЦИЗМА	63
§ 4. КРИТИКА СЦИЕНТИЗМА И КОНСТРУКТИВИСТСКОГО РАЦИОНАЛИЗМА	87
ГЛАВА 2. ТЕОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	107
§ 1. ПРОБЛЕМА ПОЗНАНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ	107
§ 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ	128
§ 3. ЭВОЛЮЦИОНИЗМ, ПОРЯДОК И КАТАЛЛАКТИКА	147
ГЛАВА 3. ОТ СОЦИАЛИЗМА К ТОТАЛИТАРИЗМУ	173
§ 1. ФИЛОСОФСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ	173
§ 2. КРИТИКА СОЦИАЛИЗМА	180
Мизес	180
Хайек	198
§ 3. ТОТАЛИТАРИЗМ	212
Мизес	212
Хайек	223
ГЛАВА 4. СУДЬБА ДЕМОКРАТИИ	247
§ 1. ПРАВО И ПОЛИТИКА	247
§ 2. ИНТЕРВЕНЦИОНИЗМ И СУДЬБА ДЕМОКРАТИИ	271
§ 3. МИРАЖ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ	295
ГЛАВА 5. ЛИБЕРАЛИЗМ АВСТРИЙСКОЙ ШКОЛЫ	309
§ 1. ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ АВСТРИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА	309
§ 2. МИЗЕС	317
§ 3. ХАЙЕК	328
§ 4. ЭПИЛОГ	341

Оглавление

БИБЛИОГРАФИЯ	357
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	385
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	393

От издательства

За последние годы в России вышло достаточно много экономических работ, относящихся к так называемой «австрийской» школе¹, получившей это название благодаря тому, что Австро-Венгерская империя была родиной ее великих основоположников и продолжателей — К. Менгера, О. Бём-Баверка, Ф. Визера, Л. фон Мизеса, Ф. Хайека. В настоящее время это направление экономической мысли приобретает все больше сторонников во всех странах мира. Недавний всплеск интереса к австрийской школе был вызван крахом социализма, давно предсказанным Л. фон Мизесом, причем интерес этот постоянно усиливается, что вообще характерно для периодов экономических и финансовых кризисов, получивших в рамках этой школы наиболее адекватное объяснение.

Намного меньше у нас известен тот факт, что великие экономисты австрийской школы занимались не только экономическими исследованиями, но и глубокой разработкой политической философии классического либерализма, причем их достижения в этой сфере не уступают по значимости собственно экономическим открытиям. Хотя их политико-философские сочинения переводятся и издаются в России², до сих пор на русском языке не было ни одной обобщающей

---

¹ В числе важнейших следует упомянуть следующие: Менгер К. Основания политической экономии // Менгер К. Избранное. М.: Территория будущего, 2005; Бём-Баверк О. Позитивная теория капитала. Челябинск: Социум, 2008; Мизес Л. фон, Человеческая деятельность. М.: Социум, 2005; Мизес Л. фон. Социализм: Экономический и социологический анализ. М.: Catallaxy, 1994; Ротбард М. Власть и рынок: Государство и экономика. Челябинск: Социум, 2019; Уэрта де Сото Х. Деньги, банковский кредит и экономические циклы. Челябинск: Социум, 2019 и др.

² Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005; Мизес Л. фон. Либерализм. Челябинск: Социум, 2006; Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005; Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006; Хайек Ф. Пагубная самонадеянность: ошибки социализма. М.: Новости, 1992. См. также библиографию в наст. изд., с. 382—384.

работы, посвященной оригинальной политической философии, созданной в рамках австрийской школы. Предлагаемая вашему вниманию книга Раймондо Кубедду «Политическая философия австрийской школы: К. Менгер, Л. Мизес, Ф. Хайек» призвана заполнить этот пробел.

Профессор Р. Кубедду является ярким представителем современной европейской школы классического либерализма. Он преподает в Пизанском университете и является автором ряда работ, посвященных политической философии классического либерализма, теории общественных институтов, методологии социальных наук и австрийской школе в экономической теории.

К числу многочисленных достоинств настоящей книги следует отнести то, что она представляет европейский классический либерализм как живую и развивающуюся традицию, отнюдь не ограничивающуюся повторением и популяризацией идей философов и экономистов XVIII—XIX вв. Ее лучшие умы продолжали и продолжают находить новые подходы к осмыслению своего времени и его основных проблем, соединяя творческий подход с приверженностью принципам и традиции. Читателя ждет много неожиданных открытий. Например, то, как обсуждаются проблемы демократии и авторитаризма выдающимися представителями современного классического либерализма совершенно не вписывается в расхожие стереотипы.

Книга Р. Кубедду сочетает широкий охват материала (некоторые из анализируемых им текстов разделены более чем столетним временным промежутком) с глубокой проработкой основных тем. В этом качестве она является незаменимым пособием при изучении классического либерализма как одного из основных политических течений современности.

Предисловие

Эта книга посвящена анализу вопроса о том, какое значение для *политической философии* имеет «теория субъективной ценности» австрийской школы¹, если понимать политическую философию как *критическую и практическую дисциплину*. Наша задача состоит в том, чтобы проанализировать вклад представителей этой школы в теоретические социальные науки и модель *политического* порядка, вытекающую из ведущей роли, которую эта школа отводит индивидуализму.

Конкретной темой книги является методология и политическая философия Менгера, Мизеса и Хайека. Мы будем затрагивать экономические вопросы в узком смысле только в тех случаях, когда это будет необходимо для понимания подхода этих мыслителей к методологическим и политическим вопросам. В связи с этим я ограничусь лишь кратким упоминанием о Бём-Баверке и Визере. Несмотря на то что оба этих исследователя обращались к важным политическим вопросам — в качестве примера можно привести критику Бём-Баверком Марксовой теории ценности² и работы Визера³ по истории, социологии и политике, — их вклад относится к области политической мысли [политологии. — *Ред.*], а не политической философии. В отличие от Менгера, Мизеса и Хайека, в своей научной деятельности они почти не уделяли внимания философским основаниям политики.

---

¹ Об австрийской школе вообще см.: Howey, 1960; Kauder, 1965; Hayek, 1968a, pp. 458–462; Mises, 1969; Streissler, 1972, pp. 426–441; 1988, pp. 191–204 and 1990b, pp. 151–189; White, 1977; Taylor, 1980; Hutchison, 1981, pp. 176–232; Shand, 1984 and 1990; Barry, 1986b, pp. 58–80; Graver, 1986, pp. 1–32; Leser, 1986a; Pheby, 1988, pp. 95–113; Negishi, 1989, pp. 279–317; Boehm, 1990, pp. 201–241; De Vecchi, 1990, pp. 311–347; Hébert, 1990, pp. 190–200; Kirzner, 1990a, pp. 242–249; Parsons, 1990, pp. 295–319; Rosner, 1990.

² См.: Бём-Баверк О. К завершению марксистской системы // Бём-Баверк О. Критика теории Маркса. Челябинск: Социум, 2002. Бём-Баверк О. История и критика теорий процента. М.: Эксмо, 2008. Гл. XII «Теория эксплуатации».

³ См. особенно: Wieser, 1914, 1926.

Несмотря на все различия между Менгером, Мизесом и Хайеком, для всех троих их экономическая теория была частью некоторой философской системы. Воспринимать их просто как экономических теоретиков, интересовавшихся философией и социальными науками, было бы ошибочно. Это чересчур узкий подход. Однако, несмотря на то место, которое они занимают в современной политической философии, вероятно, было бы неправильно ставить их в один ряд с создателями всеобъемлющих философских систем. Тем не менее то время, когда они работали, было не только временем цельных философских концепций, но и периодом брожения в умах и появления новых идей, подрывавших сложившиеся представления. Таким образом, главный вклад австрийской школы в философию социальных наук, вероятно, связан с тем, что ее представители настаивали на необходимости пересмотреть систематическую структуру этих наук в контексте открытий *теории предельной полезности*.

Если считать воздействие экономической теории на политическую жизнь одной из главных особенностей «современности», то подход представителей австрийской школы к соотношению *экономической теории и политики* может дать нам многое для понимания и объяснения того мира, в котором мы живем. Никакая другая научная школа не уделила столько внимания политическим последствиям актов индивидуального и коллективного экономического выбора, сколько австрийцы, и никакая другая школа не смогла достичь таких значительных результатов. *Философию социальных наук* австрийской школы можно воспринимать как попытку понять и объяснить историю и общественные институты с учетом естественной ограниченности человеческого знания. В силу этого она рассматривает историю и социальные институты как результаты (часто непреднамеренные) индивидуальных действий, направленных на достижение субъективных целей. Таким образом, Менгер, Мизес и Хайек были не столько экономистами, иногда обращавшимися к политическим вопросам, не столько мечтателями, погруженными в созерцание утопий, сколько мыслителями, которые создали теорию «наилучшего политического строя [*regime*]» на основании определенных представлений о человеческой деятельности и природе общества.

Иными словами, если верно то, что начало современной эпохи было отмечено эмансипацией политэкономии от полити-

ки и морали, в результате чего политэкономия приобрела статус «научной дисциплины», то не менее верно и то, что в наше время вопрос о наилучшем политическом строе неразрывно связан с экономическими проблемами. Ведь распространение информации и успех определенных моделей социального поведения привели к тому, что в наши дни ни одна идеология и ни один политический строй не в состоянии существовать продолжительное время, если они не способны удовлетворить субъективно понимаемые индивидуальные потребности. Сегодня это замечание кажется банальным, но в тот момент, когда Мизес и Хайек выступили со своей критикой социализма, оно вызвало многочисленные возражения. Они утверждали, что именно в силу неспособности соединить планирование с личной свободой социализм неизбежно вырождается в хаос или тиранию. В то время господствовало мнение, что такой опасности вообще не существует, и такая критика воспринималась как идеологически ангажированная и основанная на ошибочных представлениях о механизмах экономического развития.

Если отличительной чертой современной эпохи, вероятно, является ведущая роль индивидуальных прав, то сама эта эпоха так или иначе представляется тесно связанной с рождением и развитием капиталистической ментальности и современной науки. В силу этого не будет преувеличением сказать, что отказ от рыночной экономики приводит и к отказу от либерально-демократического политического устройства. Ведь либерально-демократическое государство и его цивилизационную систему, верховенства права, нельзя рассматривать в отрыве от итогов того, что по праву называют *капиталистической революцией*⁴. В основании идеи, утверждающей, что демократические структуры будто бы можно сохранить в отсутствие рыночной экономики, лежит непонимание того, что платой за разрыв этой связи будет распад существующей в развитых обществах системы социальных отношений. Из пренебрежения к этому звену цепи неизбежно вытекает неспособность понять то, что лежит в основании современной демократии. Ведь демократия — это в первую очередь не малореальная идея

⁴ См.: Berger, 1986 (ссылки на Мизеса и Хайека находятся соответственно на с. 188—189, and pp. 4, 6—7, 21, 80, 82, 88, 205); Pellicani, 1988; Seldon, 1990 (автор начинает с утверждения, что «капитализм требует не защиты, а прославления» (с. ix)).

народоправства и не возможность выбора правящей элиты, а политическое признание субъективного характера выбора.

Все сказанное выше позволяет оценить вклад австрийской школы в современную политическую философию. Разумеется, то, что представители австрийской школы были критиками историцизма и сциентизма, дает возможность причислить их к категории критиков «современности» (*modernity*). Однако в их случае это была «современность» не в смысле процесса секуляризации, который в результате постепенного отхода от христианского откровения в конце концов приводит к релятивизму и нигилизму, а в смысле переоценки возможностей человеческого знания и разума, которая в итоге неизбежно приводит к той или иной разновидности тоталитаризма. Если оставить в стороне теологические и эсхатологические последствия секуляризации, то современность можно рассматривать как эпоху, склонную недооценивать то, что чрезмерная рациональность является одной из причин тиранической власти, этого бича политики. Соответственно позицию австрийской школы можно рассматривать как критику современности и ее итогов изнутри; эта критика направлена на школы, доминировавшие в сфере политики и философии в течение последних столетий: на контрактуализм [теорию общественного договора. — *Ред.*], историческую школу, марксизм и идеализм.

Точно так же, как нельзя утверждать, что представители австрийской школы некритически поддерживали современные веяния, нельзя утверждать, что они были чистыми демократами. Они были либералами, которые высоко ценили демократию за ее теснейшую связь с субъективистской динамикой рыночной экономики и интегрировали эту концепцию в собственную либеральную традицию. Однако это не помешало им выступить и против того вырождения духа современности, которое представляет собой *конструктивистский сциентизм*, и против того вырождения демократии, которое происходит в социальном государстве. В случае Хайека, давшего исчерпывающий анализ этой проблемы, отправным пунктом стало противопоставление *естественности* и *искусственности*, и в результате рассмотрения этого вопроса история западной цивилизации и ее развитие предстали в совершенно ином свете. Вопрос об основаниях для наилучшего политического строя больше не был связан ни с открытием *естественного порядка* и подражанием ему, ни с созданием

рационального порядка, возникающего в результате общественного договора; он приобрел совершенно иную форму. Главной мишенью критики Хайека стала концепция «наилучшего строя [*regime*]» (понимаемого как рационалистическая модель политического порядка [*order*]), наличие которого, безусловно, является одной из отличительных особенностей современности. Несмотря на то, что Хайек указал на эту концепцию как на теоретическую предпосылку сползания к тоталитаризму, в своем анализе он продемонстрировал понимание того, что связанная с ним линия развития не является неизбежным итогом эволюции западной политической философии как таковой; скорее, она представляет собой всего лишь результат переоценки роли разума в делах людей.

Теоретическую проблематику австрийской школы можно вкратце описать как попытку понять, почему стремление людей достичь субъективных целей приводит к объективно валидным ситуациям. В таком контексте рынок (понимаемый как система передачи информации) и отражение в сфере политики запросов общества являются не более чем последствиями — иногда непредвиденными — столкновения различных целей и элементов знания, непрерывное дифференцирование и развитие которых обогащают общество. Однако для этого процесса требуется наличие встроенных гарантий непрерывности обмена. Таким образом, принцип, согласно которому любое действие следует воспринимать как переход от ситуации, *субъективно* оцениваемой как относительно плохая, к ситуации, *субъективно* кажущейся лучше, выступает в качестве универсального объяснения человеческой деятельности, действительно для всей области социальных наук.

Итак, философская посылка этого типа либерализма состояла в том, что наилучшее решение проблемы сосуществования людей в обществе должно проистекать из сравнения и противопоставления различных субъективных решений. Но это также означало отрицание существования иных концепций политического общества и ценностных систем, чем те, которые по происхождению являются более или менее стихийными результатами человеческой деятельности. Аналогичным образом, эта посылка подразумевала, что история, а также общество, экономика и мораль, представляют собой не более чем последовательность решений, предлагавшихся отдельными людьми, которые стремились решить свои собственные проблемы.

Если не учитывать того, что факторы, породившие общество, описываются понятиями *потребность*, *обмен* (в самом широком смысле) и *редкость* (причина того, что ресурсы используются лишь одним из потенциально возможных способов), то природа политического останется недоступной для нас. Редкость в первую очередь следует рассматривать как один из фундаментальных законов политики, который распространяется и на отношения между отдельными людьми, и на отношения между государствами. Хотя *чисто экономическая теория политики* и была бы несостоятельной, экономический подход к теоретическим и практическим проблемам политической философии не может принести этой дисциплине ничего, кроме пользы. Вклад экономической науки в политическую философию переоценить невозможно, о чем свидетельствует интерес к решению теоретических проблем политэкономии со стороны тех, кто занимается политической философией, а также тот факт, что если бы в составе политической философии не было компонентов из области экономической науки, то она превратилась бы в бесплодное рефлексирование о наилучшем политическом строе. Иными словами, она либо свелась бы к спекулятивной, моралистической и метафизической интерпретации вопроса о происхождении и природе *гражданского общества* (под другим названием), либо выродилась бы в насильственное конструирование устройства, делающего из людей не граждан, а подданных.

Итак, политическая философия может преодолеть тщеславную пустоту теоретических моделей, которыми она так долго гордилась, только переосмыслив политэкономический аспект своего предмета. Этот подход особенно актуален сегодня. Ведь после того, как политическая философия высвободилась из объятий мистики и теологии, она немедленно попала в лапы историцизма, естественно-научного подхода и нигилистического релятивизма. Тупик, в котором она оказалась, прежде всего требует критической оценки всех мифов современности; именно в этом свете следует воспринимать и интерпретировать философскую и политическую рефлексию австрийской школы.

Здесь можно также упомянуть о влиянии на австрийскую школу Аристотеля. Его влияние, столь сильно и явно ощущавшееся в работах Менгера, постепенно сходило на нет, пока не исчезло совсем. Мизес и Хайек усвоили метод Менгера, т.е. *методологический индивидуализм* (развив и разработав

эту концепцию), но отказались от аристотелевского объяснения перехода от относительно простых форм социального взаимодействия (семьи) к более сложным объединениям посредством понятия «сущности» (*Wesen*). Различия между Менгером, Мизесом и Хайеком можно проследить в их позиции по этому вопросу.

Размышления Менгера, Мизеса и Хайека разворачивались на фоне эпохи, отличительной чертой которой был успех феномена социализма. Их атаки на это явление и их сопротивление ему сегодня могут показаться устаревшими. Однако утверждение, будто бы из-за этого их идеи потеряли всякое значение, чрезвычайно далеко от истины: во-первых, потому, что социализм — это всего лишь наиболее яркое проявление той ментальности, которую никак нельзя считать побежденной; во-вторых, потому что лишь сегодня мы приступаем к критической переоценке тех дегенеративных явлений в западных демократиях, на которые обратил наше внимание Хайек. Кроме того, что австрийский анализ социализма и интервенционизма обладает несомненными достоинствами, а предсказания австрийцев подтверждены историей, справедливыми представляются и их общетеоретические утверждения. Недооценивать их политическую философию было бы серьезной ошибкой: признать их правоту в вопросе о социализме, но забыть о том, что они создавали именно политическую философию, иначе говоря, о том, что предметом их размышлений был *наилучший политический порядок*. Поэтому их рефлексия имеет теоретический статус, который, как это ни странно, не утрачивается с крушением социализма; она тесно связана с их размышлениями об истории политической философии, которая затрагивает множество отдельных интересных тем.

Эту книгу можно воспринимать как попытку показать, какие следствия для теоретической науки об обществе вытекают из *субъективной теории ценности*, в частности, то, какое воздействие они оказывают на понятие «блага» и связанное с ним понятие «общего блага», которое представляет собой центральное понятие политической философии как инструмента *поиска наилучшего строя*. Это исследование того, каким образом представители австрийской школы, и в особенности Хайек, подходили к проблеме политической философии с учетом трансформации понятий *блага* и *ценности*, а также необходимости предотвратить релятивистский

результат. Политическая философия австрийской школы представляет собой антитезу социалистическим идеологиям. В то же время она является критическим стимулом для демократических и либеральных теорий, еще не осознавших, что философские и экономические постулаты той теории человеческой деятельности, которой они руководствуются, не прошли проверку временем. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить о нежелательных последствиях демократии.

Глава 1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Как же могут возникать институты, служащие для общего блага и чрезвычайно важные для его развития, без общей воли, направленной к их установлению?

Карл Менгер

«Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности»

§ 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Сочинение Менгера «Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности»¹ занимает исключительное место в истории социальных наук. В этой работе автор предпринял первые шаги на пути исследования тех эпистемологических проблем, которые остаются открытыми по сей день, а кроме того, обратил внимание на методологические и политические последствия историзма (*Historismus*)². «Исследования

---

¹ О менгеровской методологии см.: Wicksell, 1921, pp. 186—192; Pfister, 1928, pp. 25—45; Hayek, 1933, pp. v—xxxviii; Bloch, 1940, pp. 431—433; Dobretsberger, 1949, pp. 78—89; Albert, 1963, pp. 352—380, esp. p. 364; Kauder, 1965; Spiegel, 1971, pp. 530—537; Hutchison, 1973, pp. 14—37, Hutchison, 1981, pp. 176—202; Streissler and Weber, 1973, pp. 226—232; Kirzner, 1976a, pp. 41—42; Littlechild, 1978, pp. 12—26; Vaughn, 1978, pp. 60—64, Vaughn, 1990; Zamagni, 1982, pp. 63—93; Ekelund and Hébert, 1983, pp. 282ff.; White, 1985, pp. vii—xxi, White, 1990; Antiseri, 1984, pp. 44—60; Boos, 1986; Galeotti, 1988, pp. 123—137; Alter, 1990a, Alter, 1990b; Birner, 1990; Lavoie, 1990b; Mäki, 1990b; Milford, 1990; Smith, B., 1990a. У Альтера см. особенно 1990a; эту книгу можно рассматривать как справочник по менгеровской философии социальных наук и по тому культурному контексту, в котором происходило развитие его идей.

² Термины «историзм» и «историцизм» употребляются в соответствии с тем, какой из них использовал тот или иной конкретный автор.

ния» не просто сыграли фундаментальную роль в прояснении центральных вопросов теоретической науки об обществе; эта книга задала новую рамку для соотношения самих социальных наук и тех двух феноменов, характеризовавших их изучение в течение последних столетий, а именно с тенденцией подходить к ним с эмпирически-естественно-научной точки зрения и с тенденцией подходить к ним с исторической точки зрения.

Значимость этого произведения объясняется также тем, что оно является центральным текстом австрийской школы, посвященным философии социальных наук и эпистемологии. Если не учитывать деталей, связанных с некоторыми различиями в позициях Менгера, Мизеса и Хайека, оно оказывало постоянное воздействие как на обсуждение методологических, философских и политических вопросов, так и на цели, вокруг которых возникали эти дискуссии. Критические возражения Хайека и Мизеса против теорий познания историзма и социализма тесно связаны с вопросами, затронутыми Менгером.

Однако «Исследования» представляют собой не просто трактат о теоретических социальных науках и не просто полемическое выступление; их можно также рассматривать как первую попытку создать связь между социальными науками и тем взрывом в экономической науке, который носит название «маржиналистской революции». Главная заслуга Менгера состоит в том, что, рассматривая экономическую теорию как дисциплину, способную открыть новый аспект для истолкования мотивов человеческой деятельности и предсказания ее результатов, он продемонстрировал, что, *теория субъективной ценности* должна привести к глубоким изменениям в теоретическом подходе к наукам об обществе. Это противоречило господствовавшему в германских странах подходу, который отводил экономической теории относительно низкий ранг в рамках *allgemeine Staatslehre* (общей теории государства)³. Менгер же решительно пересмотрел сложившуюся соподчиненность политической философии, этики и экономической

---

³ Чтобы понять ту культурную атмосферу, в которой работал Менгер, а также отношение к экономической теории в немецких и австрийских университетах того времени, см.: Schiera, 1987, pp. 185—205, особенно с. 187, где описана позиция Менгера. Не случайно Менгер выступал против того, чтобы отвести экономической теории подчиненное положение, назвав ее «наукой об управлении».

теории, избавив последнюю от чисто вспомогательного статуса, создав на этом фундаменте новую теорию происхождения и развития социальных институтов.

Если сосредоточиться на рассмотрении того нового, что содержалось в подходе Менгера, то перед нами встает вопрос: а нельзя ли свести всю его критику немецкой исторической школы немецких экономистов к эпистемологическим проблемам, вытекающим из редукции экономической теории к экономической истории⁴. Однако такая интерпретация плохо объясняет, почему Менгер уделил так много времени и усилий критике исследовательской программы, банальность эпистемологических оснований которой он хорошо осознавал. Дело в том, что его критика была направлена не только против методологии, но и против идеологической программы исторической школы немецких экономистов. Он понял и публично заявил, что эта программа состоит не только в редукции экономической теории к экономической истории, но и в отказе признать значимость «маржиналистской революции» и помимо всего прочего представляет собой попытку рассматривать экономическую теорию как инструмент политики и этики.

Концептуальное содержание «Исследований» разворачивается через последовательность критических замечаний, направленных против 1) научного позитивизма (Ф. Бэкон, О. Конт, Дж. С. Милль), 2) роли рационального знания в делах людей (Смит) и 3) утверждения, будто история может служить источником теоретического знания о проблемах человечества (Рошер, Книс, Гильдебранд, Шмоллер). Иными словами, Менгер отказался от позитивистской концепции науки и от идеи фрагментации знания; он отбросил прагматизм «абстрактного рационализма» и поставил под сомнение надежность оснований теории познания и истинность выводов исторической школы немецких экономистов.

Итак, яркой особенностью «Исследований» является критическое отношение к теоретическим и культурным предпосылкам исторической школы немецких экономистов, и особенно к ее попытке представить историю как источник всего познания. Однако Менгер не сомневался в ценности исторического знания для политической деятельности; напротив, для того чтобы продемонстрировать банальность того, что представи-

---

⁴ См.: Milford, 1988a и 1988b.

тели исторической школы считали своими открытиями, он ссы-
лался на примеры из Платона, Аристотеля, Макиавелли, Бодена,
физиократов, Вольтера, Монтескье, Смита и Савиньи⁵.

Другая важная особенность его критики относилась к классификации экономических наук и к их методу. Менгер различал три группы экономических наук: «Во-первых, *исторические науки* (история) и экономическая статистика, которые имеют задачей исследовать и представить индивидуальную сущность и индивидуальную связь экономических явлений; во-вторых, *теоретические науки* о человеческом хозяйстве, которые имеют своей задачей исследовать и изобразить родовую сущность и родовую связь экономических явлений (их законы), наконец, в-третьих, *практические науки* о хозяйстве, задачей которых является изучение и описание оснований, по которым хозяйственные цели людей (смотря по данным условиям) могут быть достигаемы наиболее успешно (экономическую политику и финансы)»⁶.

Эта же систематизация, только более подробная, изложена и в заключительной части книги⁷. Менгер упрекал ис-

⁵ В числе этих открытий были мысль о важности уроков истории для политики и уверенность в том, что «*одинаковое государственное устройство и законодательство не применимы ко всем народам и во все времена, а что, напротив, каждый народ и каждая эпоха требуют, сообразно своим особенностям, различных законов и государственных учреждений*». См.: Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 422.

⁶ Там же. С. 303—304; Каудер писал по поводу с. 35 и 79—80 [немецкого издания; в русск. изд. см. с. 321 и 351—352] «Исследования»: «Менгер снова и снова повторяет, что созданию его философии науки способствовали Платон и Аристотель» (Kauder, 1957, pp. 414—415ff).

⁷ См.: Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 468—469. Задача «*исторических экономических наук*», подразделяемых на *статистику* и историю человеческого хозяйства, в зависимости от того, что является их предметом — синхронное состояние или эволюция, состоит в изучении конкретной природы явлений и экономических связей. Изучение общей природы явлений и экономических связей, с другой стороны, представляет собой задачу «*теоретических наук* о человеческом хозяйстве, которые в своей совокупности образуют

торическую школу немецких экономистов за смешение этих трех типов наук, а также за то, что она формулировала нормы практической деятельности на основании ошибочного представления об экономической науке. Любой политический курс, основанный на неверном представлении о человеческой жизни, будет обречен на неудачу⁸. Эта классификация, которая представляет собой категориальное ядро «Исследований», помогает лучше понять критическое отношение Менгера к исторической школе немецких экономистов. Кроме того, она позволяет постичь соотношение между эмпирико-реалистическим подходом и точным подходом, между *эмпирическими законами* и *точными законами*. Наконец, она способна пролить свет на функцию экономической науки.

теорию народного хозяйства [Theorie der Volkswirtschaft], в отдельности же соответствуют различным направлениям теоретического исследования в области народного хозяйства». Наконец, имеются «практические науки о хозяйстве [*praktischen Wirtschaftswissenschaften*]», задача которых состоит в том, чтобы обучать наиболее эффективным средствам для достижения экономических целей. Внутри этой области Менгер выделял «Народнохозяйственную политику [*Volkswirtschaftspolitik*]» и «практическое учение о сингулярном хозяйстве [*praktische Singularwirtschaftslehre*]». Первая — «наука об основаниях для целесообразного (соответственно обстоятельствам) споспешествования «народному хозяйству» со стороны публичных властей», вторая — «наука об основаниях, по которым наиболее совершенно могут быть удовлетворены экономические цели сингулярных хозяйств (сообразно данным условиям); она в свою очередь распадалась на: 1) «финансовую науку [*Finanzwissenschaft*] и 2) «практическое учение о частном хозяйстве [*praktische Privatwirtschaftslehre*], науку об основаниях, по которым частные лица (живущие при современных социальных условиях!) могут (соответственно своим условиям) наиболее целесообразно устраивать свое хозяйство».

Menger, 1884, e.g. p. 13, также критиковал представителей исторической школы немецких экономистов за то, что они пренебрегли различием между теоретическими и практическими экономическими науками. Эту проблему, как мы увидим ниже, он снова проанализировал в: Menger, 1889b, pp. 185–218; см.: Alter, 1990a, pp. 84ff.

⁸ См.: Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 434–450, особенно с. 446–448. Об этом также см.: Menger, 1884, pp. 44–45.

Фундаментальной ошибкой исторической школы немецких экономистов было то, что она воспринимала общество как *эмпирическое и органически-натуралистическое целое*. Соответственно, представители этой школы изучали общество с помощью индуктивно-компаративного метода, который не соответствовал характеру предмета исследования. Вследствие этого цель этой школы — обнаружить законы, которые управляют обществом и ходом истории, — не смогла принести приемлемых теоретических результатов.

В отличие от исторической школы немецких экономистов, которая была склонна воспринимать социальные институты как данность и недооценивала роль отдельных людей в их формировании, Менгер рассматривал эти институты как результат — иногда невольный — индивидуальных актов выбора. С его точки зрения, теоретическое знание об обществе не может основываться на обобщении эмпирических данных: оно должно начинаться с разделения относительно сложных фактов на элементарные компоненты. Соответственно, задача экономической теории, как и других «точных законов», состоит в том, чтобы «дать нам уразумение конкретных явлений реального мира, в качестве отдельных примеров известной законосообразности в последовательности явлений, т.е. выявить их генетически». Таким образом, его исследовательская модель должна была представлять собой попытку объяснить «сложные явления подлежащей области исследования в качестве результатов взаимодействия факторов их возникновения. Этот генетический элемент неразрывен с идеей теоретических наук»⁹.

Итак, задача Менгера состояла в том, чтобы дать ответ на следующий вопрос: *«Как же могут институты, служащие для общественного благополучия и чрезвычайно важные для его развития, возникать без общей воли, направленной к их установлению?»* Однако он не собирался постулировать превосходство экономической науки в рамках социальных наук,

⁹ См.: Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 356. Ср. это с высказываниями Аристотеля в «Политике» (I, 1252a, 19–24). По поводу Менгера см.: Nishiyama, 1979, pp. 34ff., хотя там и нет упоминаний об Аристотеле.

так как в число тех институтов, которые «в значительной степени являются непреднамеренным результатом развития общества», он включал право, религию, государство, деньги, рынок, цены на блага, процентные ставки, земельную ренту, заработную плату и многие другие явления социальной жизни, в частности экономические¹⁰.

Это был отход как от органического натурализма исторической школы немецких экономистов, так и от позитивизма и индивидуалистической традиции рационалистического либерализма, так как, согласно интерпретации Менгера, история человечества представляет собой *эволюционный* процесс, в основании которого в определенном смысле лежит нечто, свойственное человеку «от природы», или его «сущность» [*Wesen*]. Такое представление об истории можно также рассматривать как расширение того концепта общества, который Менгер почерпнул у Аристотеля¹¹ и распространил на весь исторический процесс.

¹⁰ См.: Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 403–404.

¹¹ Первым, кто доказал влияние Аристотеля на теорию ценности Менгера, Бём-Баверка и Визера, был Краус: Kraus, 1905, pp. 573–592. На эту тему см. также: Kraus, 1937, pp. 357ff. На тезис Крауса практически никто не отреагировал. Сигимура, Старк и Добрецбергер (Sugimura, 1926; Stark, 1944, p. 3; Dobretsberger, 1949, pp. 78–89) утверждали, что в методологии Менгера видно влияние Канта. Это представление неверно — и в силу отсутствия в «Исследованиях» ссылок на Канта, и по результатам исследований Каудером неопубликованных текстов Менгера из коллекции Университета Хитобубасы (там же хранится часть библиотеки Менгера). Эти исследования выявили влияние Аристотеля на менгеровскую теорию ценности, на его классификацию наук и методологию социальных наук. См. особенно: Kauder, 1953a, pp. 638–639 (о «теории ценности»); 1953b, p. 572 and n. (о распространении кантианства в Австрии); 1957, pp. 414–415 (о влиянии Аристотеля и Канта); 1959, pp. 59ff. (критика утверждения о влиянии на Менгера Канта и описание влияния на него Аристотеля); 1961, pp. 71–72 (о неокантианской философии); 1962, pp. 3–6 (о влиянии на Менгера Аристотеля и о знакомстве Менгера с философией Канта). О трактовке Каудером австрийской школы см.: Johnston, 1972, pp. 86–87 (также для общего представления об австрийской культуре того времени). О влиянии Аристотеля на Менгера см.: Rothbard, 1976b, pp. 52–74, особенно с. 69–71. Альтер (Alter, 1982, pp. 154–155) писал,

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru